

ЛАЛА УМУД

Цветок айвы

Рассказ

Весеннее солнышко припекало. Старая айва, которая росла в маленьком дворике, покрылась нежными цветками. Цветки ее были белоснежными, но при малейшем дуновении ветра в них проявлялся какой-то розовый, удивительный оттенок, и облачко желтой пальцы поднималось в воздухе. Молодые пушистые листики изумрудного цвета нежно шевелил тёплый ветерок. Тонкий аромат чувствовался повсюду. Он залетал в ветхий домишко, вырывался за пределы двора на улицу, и прохожие, уловив этот запах весны, замедляли шаги, вдыхали полной грудью, улыбались и, умиротворенные, продолжали свой путь. Старая бабушка Захра грелась на солнышке под айвой, колченогий стул под ней шатался, и она, подложив под его ножку сложенную в несколько раз газету, неподвижно сидела под теплыми лучами солнца. Это было удивительное дерево. Его посадил еще отец Захры халы Мамедхан в тот день, когда она родилась. Отец был родом из очень бедной семьи, и поэтому имя ему дали звучное, чтобы ребёнку всегда сопутствовала удача. Рано полюбив соседскую девочку Марьям, он добился ее руки. Детей у них долго не было. Марьям была болезненной женщиной, и врачи говорили, что у неё слабое сердце и рожать ей будет тяжело. Но она родила девочку. И тогда-то на радостях муж и посадил это дерево. Оно росло вместе с ребенком, распуская ветки. Говорили, айва растёт около 60 лет. Но Захра хала разменяла уже седьмой десяток, а дерево как цвело и плодоносило, так и по сей день приносило плоды.

В год, когда началась война, с айвы облетели почти все цветки. А в год Победы стояла она цветущая, словно невеста, одетая в свадебное платье кипенно-белого цвета. Будто понимала людское горе и радость, потерю и болезни. Чувствовало дерево всё! Захра хала привыкла разговаривать со своей ровесницей айвой. Она будто успокаивалась, глядя на дерево, такое мощное и величественное. Однажды, когда она упала и сломала шейку бедра и все кругом охали и причитали, Захра хала попросила, чтобы из больницы ее привезли домой. Как увидела свое дерево, сильное, здоровое – только слева толстая ветка от ветра ураганного была сломана – так и пошла на поправку. Уже через 3 месяца тихонько передвигалась по дому. Чудеса, да и только.

У айвы даже имя было – Агча. Так ее про себя с детства называла старушка. Почему? Не знала. Говорили, что ребёнком она не могла выговаривать трудное слово «агач» и лепетала «агча». Так и обращалась она к дереву – моя «агча».

Со временем дерево выросло, его крона закрывала почти весь двор. Ни у кого из соседей во дворе не росли деревья, всё-таки центр города, не пригород. И только во дворе у отца цвело это благодарное дерево. «Ат башы» – так назывался этот сорт айвы. И впрямь, его плоды напоминали лошадиную голову.

Дом бабушки Захры был одним из последних, которые подлежали сносу на центральной улице. Здесь жили три поколения семьи. Бабушка родилась в этом доме,

прожила здесь до замужества, а затем, похоронив мужа и оставив квартиру сыну, вновь вернулась в отчий дом. Здесь ей было всё знакомо. Стены будто разговаривали с ней, напоминая о давно минувших днях. Вот ещё совсем девчонкой она собирается в гости к подруге. Ей сшили платье из нежного крепдешина. Оборочки на рукавах Захра смазывала яичным белком, и они, как накрахмаленные, торчали в разные стороны. А сколько гостей собиралось в тесном дворике, когда отец справлял ее дни рождения и по этому случаю резали барана. Папа любил заниматься хозяйством. Будто сейчас она видит отца во дворе в белой майке, где под маленьким рукомойником отец мыл в тазу черешню – огромную, почти черную, и обязательно парные надевал ей на уши как серёжки.

– Захра хала, я за хлебом иду, вам купить? – каждое утро соседская девчушка Айтач забегала на кухню, чтобы узнать, не нужно ли чего. Бабушка мягко улыбнулась и покачала головой. Айтач весело кивнула и, что-то напевая, тут же убежала. Жирный рыжий соседский кот, гроза всех окрестных котов, бесшумно спрыгнул с ограды, отделявшей двор от соседского. Он подкрался к старой женщине, потерся о ее ноги и с урчанием улегся рядом погреться на солнышке. Бабушка постоянно подкармливала этого жирного, вечно голодного кота.

Майское солнышко греет, но не обжигает. Май был любимым месяцем в году у старушки. С ним было связано много приятных воспоминаний. В мае она встречала мужа, вернувшегося с той проклятой войны, унесшей столько невинных жизней, в мае месяце у нее родилась дочь. Очень, очень любила бабушка месяц цветения айвы.

...Полуприкрыв глаза, она вспоминает, как ее, молодую шестнадцатилетнюю девчонку, пришли сватать. Сидя дома, она боялась подойти к окну и, тихонько отдернув занавеску, поглядеть на сватов. Первый раз она увидела будущего мужа, когда тот топтался как раз у этого дерева. Он мял в руках кепку и не решался говорить с ней, хотя обручены они были уже давно. Тогда Аскер пришёл сообщить ей, что они придут на праздник Новруз байрам, который отмечался в день весеннего солнцестояния, 21 марта. По обычаю в этот день обрученным девушкам семья жениха приносит поздравления и байрамлыг – традиционные подносы с подарками, хонча – испеченные шекербура, пахлаву, сладости, благоухающие кардамоном, орехами и ванилью. Каждого вида по 51 штуке. Так принято. Кем принято, когда – неизвестно! Но традиции соблюдаются. Много было тогда подносов, которые принесли Захре хале. Тут были жареная пшеница – символ богатства и плодородия, орехи, миндаль и фисташки. Семья жениха старалась не ударить лицом в грязь. Проросшая пшеница «семени» на фарфоровой тарелке радовала глаз и была перевязана алыми лентами.

А после того, как «семени» высохло, Захра собственноручно выбросила засохшую пшеницу в проточную воду канала. А тарелку, наполнив ноголом – крупными сахарными конфетами с вкраплениями зерен тмина – отправила свекрови. Ныне уже покойная Биргя-ханым очень обрадовалась, хотя и знала, что по обычаю тарелку обязательно вернут. Но, жадная по своей натуре, переживала: тарелка-то была тончайшего кузнецовского фарфора, с голубой каемочкой и с нежно розовыми букетиками. Послать «семени» в такой тарелке считалось особым шиком. Но и Захра была невестой завидной, в приданое принесла целых 12 тарелок кузнецовских и 3 «кясы». А самовар! Знаменитый самовар, который достался ей от прабабки. Тульский самовар завода братьев Баташевых. Он был ее особой гордостью.

Как было приятно после обильных застолий растопить на угольках самовар, добавив чабреца в чай для запаха. А Аскер-киши еще растапливал самовар шишками.

И тогда смолистый аромат поднимался над улицей Первомайской и уходил вверх по улице до Советской. И соседи знали, что всегда можно заглянуть к ним на чай. К чаю у Захры всегда было припасено варенье из розовых лепестков. Это было ее коронное блюдо. Каждый год ее золовка, которая вышла замуж и уехала в Агдаш, посылала ей корзину ароматных лепестков чайной розы. И Захра начинала священнодействовать. Во двор выносился таган, медный таз. И на открытом огне варилось изумительное по запаху и вкусу варенье. Ах, какой аромат витал по всей округе!

Захра хала открыла глаза.

– Ох, что-то я задремала посреди дня, – сгорбленная старушка тихо встала и, опираясь на трость, потихоньку зашла в дом. Напольные часы, стоявшие в темной передней, пробили двенадцать. Хлопнула калитка.

– Нене, ай нене, – ты где? Ненешка, – звонкий голосок молодой девушки заполнил, казалось, весь дом.

– Ай бала, я здесь. Фидан, ты одна пришла?

Фидан – старшая внучка Захры. Она почти каждый день навещала бабушку. На этот раз она привела и дочку – правнучку Захры, Джамилю.

– Ай мяним шьяяр балам, – бабушка обняла трехлетнюю девчушку.

– Здравствуй, нене. Э-э, нене, почему ты не переедешь к маме или ко мне? Дядя Бахрам тоже тебя умоляет. Почему не оставляешь этот старый скворечник? Мама, знаешь, как нервничает, что ты здесь одна живешь! Завтра опять собирается к тебе на неделю. А через месяц мы переезжаем на дачу, и Рауф сказал, что нене тоже поедет с нами. Это не обсуждается.

Весело щебеча, Фидан порхала по всему дому. Убрала бабушкину постель, вытряхнула покрывало, разогрела чайник. Вынула из пакета принесенные покупки – мягкий хлеб, лаваш, свежий творог, сметану, кастрюлю с куриным бульоном и в отдельном судке отварную гречку.

– Я тебе на сегодня, бабушка, всё принесла. Фрукты у тебя есть. Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, гурбан сене. Зря мама приезжает. Я же обхожусь сама. Что со мной будет?

– Нет, мама переживает, почему ты не переезжаешь. Этот дом скоро на голову рухнет.

– Этот дом еще сто лет простоит, – бабушка, улыбаясь, приколола внучке на кофточку булавку с висящей на ней маленькой палочкой. – Это «айва-чёпи», от сглаза.

– А-а, бабуля, твоя айва уже распустила цветы. – И Фидан вспомнила, как бабушка всегда вырезала маленькие, чуть толще спички, айвовые прутики и надевала на них – от сглаза, от испуга. Вот и дочке ее черед пришел.

– Расцвела моя айва, куда же я ее брошу и уеду.

– Бабушка, айва тебе дороже нас? – звонко рассмеялась внучка.

– Вы же меня навещаете.

– И ты ее будешь навещать.

– Привыкла я к своему дому. Мне здесь спокойней, внучка.

– Бабушка! – Фидан обняла сухонькое тело старушки, и жалость накрыла ее с головой. – Давай мы с Джамкой останемся сегодня у тебя.

– Да не выдумывай ты, иди по своим делам. Мужа встречай с работы, приготовь ему повкусней обед. За меня не беспокойся. И Мина завтра придёт.

Маленькая правнучка Джамия, весело смеясь, сидела у Захры на руках. Внучка Фидан накормила бабушку, помыла посуду, забрала бельё в стирку и, крепко обняв ее на прощание, ушла.

Захра хала, накинув шерстяной платок на плечи, тихонько вышла во двор. Солнышко уже садилось за горизонт. Старая женщина удобно устроилась в плетеном кресле и накрыла больные ноги платком. Она не могла отвести взгляда от цветущей айвы, цветки которой были словно вытканы из тумана.

Вновь подступают воспоминания. Вот они с мужем ведут маленького сына, Бахрама, в кружок в Дом пионеров. Зима, идет снег. На обратном пути заходят к родителям на чай. Отец разжигает самовар, на столе торт «Сказка». Бахрам съедает все мармеладинки с торта. Вместо того, чтобы отругать сына, Аскер-киши счастливо хочет. Захра хала словно находилась и в реальном мире, и в мире грёз. Иногда грань между мирами стиралась, и она еще долго сидела молча, не понимая, где она сейчас.

Громко постучали в калитку.

– Есть кто?

– Кто там, входите.

– Это я, Мирза.

– Nə var, nə lazımdır? – Захра хала приняла строгий вид.

Во двор вошел сухонький проворный старичок.

– Ай, Захра, мой Мыш-мыш опять к вам забрел?

– Yekə kişisən, miş-miş nədir? – Захра недолюбливала соседа, который когда-то, в пору их молодости, заглядывался на неё. Но он был непутевым парнем, и отец даже близко не подпускал его к своему дому.

Мирза, как тогда говорили, был авара. Не учился и не работал. Так и прожил всю свою жизнь, не работая толком нигде. Зато пенсию получал. Однажды он устроился на завод, но на следующий день его угораздило получить производственную травму. Вот за счёт этой травмы он и выхлопотал себе приличную пенсию. Жил он вместе со своим рыжим и наглым котом, которого звал Мыш-мыш. Сосед был старше Захры, ему, наверное, уже стукнуло лет 80. А шустрым он был, как и 20 лет назад. Перехоронил, можно сказать, весь квартал.

– Да, Захра, что, внучка приходила?

– А тебе какое дело?

– Язык у тебя как змеиное жало, я так, по-соседски зашел, справиться о твоём здоровье.

– Нечего спрашивать, иди своей дорогой.

Мирза, недовольно кряхтя, легко нагнулся, взял своего рыжего кота на руки и, не попрощавшись, хлопнул калиткой.

– Вот принесла нелегкая, – подумала Захра хала.

Солнце совсем село за горизонт.

– Эй, Захра, нас сносят, уже приходили из ЖЭКа. Квартиру дают. В Ясамале. В новостройке. – Голова Мирзы торчала над забором и тараторила без остановки. – А ты тут останешься дерево караулить? – от смеха морщинистое лицо старика превратилось в сушеный инжир.

– Rədd ol! – Захра хала плюнула в его сторону.

На следующее утро, когда бабушка ещё спала, её разбудил вкусный запах яичницы с помидором.

– Мина, дочка, – догадалась Захра хала.

– Мама, доброе утро. Ты заспалась.
– Гызым, ты так рано, ни свет ни заря.
– Ай, мама, уже 12 часов.
– В-а-а-й, как поздно, – старушка засуетилась и, наспех одевшись, направилась в ванную комнату.

Мине, учительнице музыки, старшей дочери Захры халы, было под 60. Переворачивая яичницу, она думала о том, как бы сообщить матери, что ее дом, старый отчий дом, будут сносить. Вчера вечером им позвонили и сообщили, что Захру халу надо забирать, потому как все бумаги, подтверждающие снос здания, уже подписаны. Всю ночь Мина не спала, с мужем Али обсуждала создавшееся положение. И с братом Бахрамом говорила... Но как об этом сообщить матери – не знал и он.

«Это ее убьет», – думала Мина.

Всю свою жизнь Захра хала посвятила семье. Всегда кроткая и спокойная, она никогда не повышала голос на детей. И даже тогда, когда застала на заднем дворе своего любимого сына, десятиклассника Бахрама с сигаретой, которую он не успел спрятать, она ничего не сказала и только грустно посмотрела на него. Взгляд матери навсегда отбил у него охоту курить.

– О чём думаешь, гызым? – мягко обняла Захра хала дочь за плечи.

– Да, ничего, ай, мама. Как спала?

– Как младенец. Дома меня стены укачивает, дочка.

– Мам, ты садись, покушай. – Мина не решалась начать разговор. – А сегодня Бахрам с моря возвращается. Сказал, зайдёт. Где твоя кружка, я тебе чай налью.

– Там, под айвой, на столике.

– Ты на улице сидела?

– Да, я не пропускаю ни дня, когда цветет моя красавица. Ведь ее посадил мой отец.

– Ой, мама, разве айвовое дерево столько лет живет?

– Живёт, дочка, живёт.

– Удивительно! – Мина налила матери чаю и села напротив неё.

Захра хала пила чай с сахаром вприкуску.

– Зачем, гызым, Бахрам только с моря приедет, 15 дней дома не был, и сразу ко мне. Пусть отдохнет, завтра придёт.

– Не знаю, мама, сказал, что соскучился.

– Всё ты знаешь, Мина, но не хочешь без него говорить. Что случилось у вас, что произошло?

– Ой, мама, ничего не случилось, беспокойная ты стала и подозрительная.

Вздыхнув, старушка ничего не сказала.

День прошёл, как обычно. Захра хала сидела во дворе на солнышке, а дочка хлопотала по дому. Около 4 часов Мина вышла во двор, мать дремала в плетеном кресле. Дочка заботливо укрыла ее пледом. Захра хала открыла глаза.

– Что-то ноги стали ныть, не к дождю ли?

– Да нет, на небе ни облачка. Скоро наступит жара. Мама, переедем на дачу, ты же любишь свежий воздух, по утрам петухи кричат, а вечером дымок от костра, собаки лают. Мама, там дышится по-другому, а тут всё загазовано, кругом стройка.

– Твой отец...

– Мам, мой отец, кстати, нам нашу дачу строить помогал и всегда с удовольствием там оставался.

– Да, любил Аскер свежий воздух.

– Ну, вот видишь.

– Перееду, через месяц, может.

– Мама, ну какой месяц, ты же видишь, повсюду цемент, пыль. Город растёт. Вокруг много новых домов с центральным отоплением и со всеми удобствами. Старые дома сносят. Они портят облик города.

Поджав губы, Захра хала молчала.

Вечером у Захры халы было шумно и весело. Приехал сын с женой и сыновьями-студентами. К вечеру пришел зять, муж Мины, Али. Они поужинали, а затем дружно пили чай во дворе под айвой. Правда, было немного прохладно. Но все знали, как любит старушка вот такие посиделки у старого дерева.

– Мама, я хотел сказать тебе, что пора съезжать отсюда. Нам звонили, нужно освобождать территорию. Дом будут сносить.

– А знаешь, Бахрам, лет двадцать назад, здесь, на Нижней Нагорной улице, был старый дом, где жила очень бедная семья. Детей было шесть человек, еле концы с концами сводили. Дети в школу ходили по одному. Обуви не было. И вот решили они съехать оттуда, а дом свой продали одному богатому торгашу. Заплатил он им мизерную сумму. Они купили в Масазыре клочок земли и построили там дом. А художник начал рушить старый дом, чтобы построить на его месте новый. И вот, когда стали разрушать стенку, где у них стоял диван и спали вповалку дети, там обнаружили чугунок, полный золотых царских десятирублевков. Вот так. Нищая семья жила рядом с богатством и охраняла это богатство для какого-то прощелыги.

Воцарилось молчание.

– Мам, а при чём здесь наш дом, дед вряд ли замуровал что-либо в стену. А? Или что-то?.. – захохотал Бахрам.

– Нет, – Захра хала покачала головой. – Не было у нас больших денег. У маминой стороны деньги, правда, были. Прадед был ахундом, в то время важным человеком. А отец был честным и бессребреником. Просто вспомнилась та история, вот я и рассказала, несправедливо жизнь обошлась с теми людьми. Обидно.

– Мам, мы вещи собирать будем,

– Какие у меня вещи, – старушка пожала плечами. – Несколько фотографий да кое-какие пожитки. Мне не жалко уезжать, я же понимаю, вокруг всё новое. Новые дома строятся. Просто дерево жалко. Ведь погибнет.

– У нас на даче три айвовых дерева, а сколько других плодовых... Там и качалку твою поставим. Знаешь, как любит Полкан, когда ты на качалке сидишь, а он рядом с тобой лежит, охраняет.

Старая женщина тихо улыбалась, слушая речи сына и дочери и обнимая внуков. Ночью она спала плохо, ей снилась буря. Сильный ветер раскачивал ее домик, и ураган с треском вырывал из земли айвовое дерево прямо с корнями. А вдалеке стоял ее покойный муж, Аскер киши, и грозил ей пальцем. Утром рано, когда Мина еще спала, Захра хала встала у плиты, чтобы приготовить халву на помин мужа.

– Мама, ты что в такую рань встала?

– Сон плохой видела, дочка. Собирай уже вещи. Чего зря время терять, я не хочу чужих людей видеть. Попрощаюсь с домом без посторонних.

– Хорошо, мама, как скажешь.

Вдвоем они быстро управились. За несколько дней всё было собрано, упаковано и отправлено на дачу. Стоял июнь. Начиналось лето.

И вот в один из ясных дней Захра хала вышла из своего дома в садик, к старой айве. Она обняла ее, прошептала про себя какие-то слова и затем, даже не обернувшись, вышла за калитку. Села в машину Бахрама и тихо сидела в ней до самой дачи. Сын весело болтал, стараясь развеселить старушку, обещал приезжать каждый день после работы, ведь отпуск у него целых 40 дней.

Первое время Захра хала не разговаривала с детьми, все время молчала. Дочка, сын, внуки старались не оставлять ее одну. Казалось, ее ничто не радует. Но потихоньку она оттаивала, подолгу сидела в саду, глядя на верного пса Топлана, всегда ходившего за ней по пятам. Засыпала, сидя в шезлонге. Но не уносились уже мыслями в далекое прошлое, где был жив еще ее муж Аскер, всегда приносивший ей первые распустившиеся нарциссы, в те воспоминания, тёплые и берущие за душу, которые пронесются как единый миг, даря спокойствие и уверенность в том, что есть тот мир, где всё, как раньше, и те, кто покинул ее, живут и здравствуют там.

И стала Захра хала плохо себя чувствовать. Будто что-то тяжёлое давило на грудь и не давало до конца вздохнуть. Лето пролетело быстро. Сын часто возил мать на берег моря. Они сидели у моря, пили чай, слушали крики чаёк, морской прибой. Топлан бегал по берегу, лаял на волны, пытаясь схватить прибрежную волну. Каждую субботу приезжали внуки: Фидан с мужем, невестка Лейла, работающая в больнице, и муж Мины. Дети окружали старую женщину такой заботой и любовью, что ей хотелось опять, как и раньше, помогать им делать работу по дому, нянчить их малышей. Всю жизнь она помогала дочери и сыну. Всегда добрая и отзывчивая, она могла вечером прийти к дочке, зная, как ей тяжело было одновременно учиться и смотреть за ребенком, – и остаться там на месяц. Женщина удивительным образом успевала всё: и убраться в квартире, и приготовить вкусный обед, и внуков укачать. Ее одинаково любили и невестка, и зять. Говорят, что прожитые годы накладывают свой отпечаток на лицо, и душа проявляется на лицах старых людей. Так вот, душа Захры халы была нежной, со стариковским румянцем, голубыми васильковыми глазами и сеточкой морщинок, которые делали лицо ее добрым и ласковым.

Наступил октябрь. Деревья в саду оголились. Зарядили дожди. Здоровье Захры халы ухудшилось. Она слегла в постель, ноги не держали старую женщину. Как-то утром она хотела было встать, но повалилась на бок, хорошо, что зять был рядом, вовремя подхватил. На семейном совете было решено переехать в город, к дочери Мине. Так, все время лежа на одном боку, Захра хала не вставала и ни на что не жаловалась. У детей разрывалось сердце от жалости. Приглашенный доктор не нашел ничего серьезного, прописал Захре хале мази для ног да успокоительные лекарства от нервов для Мины. В один из осенних дней, вечером, Мине позвонил брат и попросил зайти. По голосу чувствовалось, что он сильно взволнован, и поэтому Мина, не откладывая, поехала на встречу с братом.

– Знаешь, Мина, я сегодня проезжал мимо маминого дома, там все перегородили, идет стройка. Дом уже начали сносить, а дерево мамино, айву, выкорчевали – видно, бульдозером. Ты знаешь, мне так плохо стало. Как и мама, дерево завалилось набок. Умирает... Мина, может, найдем биолога или кого там еще, как-то дерево заберём, может, приживется.

Лейла, до этого тихо стоявшая в стороне, подала голос.

– У нас в больнице есть садовник. Так вот, у нашего садовода руки, говорят, золотые, палочку в землю сажает, и она цветёт. Может, с ним поговорить?

– Это идея! – возбужденно воскликнул Бахрам, видно было, как подействовал

на него вид погибающего дерева. На том и договорились. Бахрам отвёз больничного садовника к месту, где стоял бывший дом матери. Тот посмотрел на дерево, начал отговаривать от этой затеи. Но дети настаивали на своем. Мина всё время твердила, что все эти дни шли дожди и корни не сухие. Арендовали грузовик и вывезли дерево ближе к вечеру на дачу. Там уже находились специалист по плодовым деревьям, а также двое рабочих. Общими усилиями дерево посадили в землю, утрамбовали, полили нужными удобрениями, обрезали поломанные ветки. И тут начался ливень. Он заливал все вокруг, омывая ветки айвы.

– Это хороший знак, – сказал сын Бахрама. – Значит, дерево приживется.

– Дай-то Бог, – со вздохом прошептала насквозь промокшая Мина.

Время шло, наступила зима. Дерево стояло все черное, мертвое, нижние ветви обломались и упали. Видно было, что они высохли. От некогда могучего кряжистого дерева остались только ствол да две боковые ветки, тянущиеся вверх.

Почти всю зиму Захра хала не вставала с постели. Она лежала тихо, ни о чём не просила, будто дожидалась своего конца. Пролетел март. Наступил апрель. Бабушке не становилось ни лучше, ни хуже. Бахрам уже пожалел, что затеял всю эту кутерьму с пересаживанием дерева. Оно как стояло, так и стоит, не подавая признаков жизни. А везти мать на дачу, чтобы она увидела мертвое дерево, было ни к чему. Значит, надо опять нанимать рабочих, чтобы они выкопали его и унесли куда-нибудь подальше.

Как-то в конце апреля, когда Мина убирала зимние вещи – ведь весна выдалась по-летнему жаркой – Захра хала вдруг попросила отвезти ее на дачу.

– Гызым, позвони Бахраму, хочу на воздух.

– Мама, скоро все вместе поедем, уже жарко.

– Нет, я хотела бы сегодня поехать. Я отца вашего видела во сне. Он звал меня на дачу. Видимо, срок мой пришёл, доченька.

– Мама, что ты такое говоришь, – Мина обняла мать.

– Я всё думаю, дом-то, наверное, уже разрушили. Дерево моё погубили. Погубили осенью, когда я слегла.

– Мама, но ведь сейчас ты себя хорошо чувствуешь.

– Да, сейчас вроде бы хорошо, – тихо согласилась старушка. – Позвони Бахраму.

Для Бахрама желание матери было законом, и он повёз их на дачу, ругая себя за то, что поддался сиюминутной слабости, и не зная, как объяснить матери появление на даче айвового дерева. Благополучно добравшись до места, Бахрам хотел было подъехать со стороны других ворот, позади дома, чтобы не было видно посаженного прямо посередине дачи исполина, но Захра хала покачала головой и велела ехать к центральному воротам. Мина закусил губу, сидела тихо, не проронив ни слова. Открыв ворота и заехав во двор, Бахрам открыл дверь и, поддерживая мать, помог ей выбраться из машины. Завидев силуэт дерева, она проворно засеменила к нему. И вдруг до детей донеслись её всхлипы. Захра хала стояла, обнимая ствол дерева морщинистыми руками, и по лицу ее, порозовевшему от свежего воздуха, текли слёзы. А счастливые глаза смотрели наверх, где на тонкой ветке распустился бело-розовый цветок айвы.